

Расул Гамзатов

Целую
руки
матерей

Расул Гамзатович Гамзатов

Целую руки матерей (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8672098

*Целую руки матерей: Стихотворения и поэмы.: ООО Издательский дом
«Эпоха»; Махачкала; 2013
ISBN 978-5-98390-138-4*

Аннотация

Книга Р. Гамзатова «Целую руки матерей» – это лучшие стихи и поэмы автора, посвященные образу матери, которая всегда была для него олицетворением Добра, Любви и Веры.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

Мы – ветви материнского дерева	4
Стихотворения	15
«Читая вас, я удивляюсь снова...»	15
Пять пальцев	17
«Когда моя жизнь, дорогая...»	20
Две матери	22
«Казалось мне: всю жизнь я плачу...»	24
«В горах джигиты ссорились, бывало...»	25
«Слеза, что по щеке твоей стекла...»	26
«В далеких странствиях написанные мной...»	27
Последнее свидание с мамой	28
Если б моя мама песен мне не пела...	29
Песня, которую поет мать своему больному сыну	31
У очага	34
Любимых женщин имена	35
Матери	37
«Изрек пророк...»	39
Стихи, написанные в новогоднюю ночь	41
Разве тот мужчина?	43
Таинственность	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Расул Гамзатов

Целую руки матерей

Мы – ветви материнского дерева

В эти дни я ездил в горы и поводы были достойные того, чтобы прервать незавершенные дела, оторваться от письменного стола, за которым мне после больничной палаты вновь стало уютно и светло: многоязычный Дагестан отмечал 125-летие со дня рождения классика аварской поэзии Тажудина Чанка и 2500-летие аула Анди.

Поездки в горы для меня не в новинку, но на этот раз увиденное и происходящее вокруг я воспринимал с особой остротой. Состояние это не назовешь радостью или же волнением, но «вполне естественно переживал нечто иное – сердце замирало от снежных вершин, скал и ущелий, говорливых рек, родных лиц и материнской речи...

Мать... Материнское... Может, потому и замирало сердце, что все – и родные горы, и родное гнездовье – я уже видел глазами матери, чувствовал мир фибрами витающей здесь материнской души?

И что странно, сквозь аварскую речь, аварские песни всю поездку, да и поныне ко мне прорывались строки: «Мы ни единого удара не отклонили от себя...». Я знаю, что Анна

Андреевна Ахматова эти мужественные слова не посвятила матери. А если подумать и обобщить, то строки эти обретают иной пласт глубины: только матери и способны на такую отвагу – все удары судьбы брать на себя во имя спасения жизни на земле, во имя того, чтобы рожать, выхаживать, воспитывать Меня, Тебя, Его, – каждого в отдельности и всех одновременно, ибо материнское сердце по своей доброте и щедрости беспредельно.

Несколько лет тому назад в «Правде» я откликнулся на статью матери-героини Нины Мигалюк из г. Черновцы. Разумеется, она писала как бы о частном, о трудностях, откровеннее – мытарствах собственной семьи, оказавшейся не только в материальной нужде, но и без моральной поддержки. Это был крик души незнакомой мне женщины. Но не пора ли нам в частном распознать общее, характерное, и не на словах, а на деле? Ведь не матери научили нас громким лозунгам, пустым призывам, краснобайству, фразерству – они пели нам тихие, ласковые колыбельные песни...

Ранее постигнутые истины с годами как бы укрупняются. К примеру, я теперь с большей болью думаю над тем, как странно устроен человек: мы не всегда отвечаем взаимностью тем, кто нас искренне любит, почему-то стесняемся добрых порывов, которые рвутся из груди, по-настоящему оцениваем самое дорогое только после того, как потеряем его. Может, в этом алогизме тоже есть своя закономерность? Но сейчас меня одолевают другие размышления, свербит ду-

шу другая печаль – о своей матери самое сокровенное, самое проникновенное я написал все же после ее смерти. Это было в поэме «Берегите матерей» – поэме-исповеди, поэме-мольбе. Горюя и оплакивая свою мать, кажется, сказал нечто трогательное о многих матерях, о матерях вообще. Поэма вызвала массу откликов. В частности, со страниц «Комсомольской правды» прозвучали взволнованные голоса поддержки и конкретные предложения, хотя поэму «Берегите матерей» я не считаю лучшей своей работой. Так в чем же причина, что ее так близко к сердцу восприняли миллионы? Думаю, в своевременности. Думы, боли и ожидания накопились в сердцах людей и «ждали выхода». Ведь порою одного выстрела достаточно, чтобы вызвать снежную лавину в горах.

Смею думать, отклики и явились лавиной нерастроченной доброты, ибо многие хотят, желают выразить своим матерям беспредельную любовь, готовность на самопожертвование во имя ее спокойствия, благополучия. А сказать не могут. Не все и не так получилось и у меня. Трудность заключалась в том, что меня терзала и сковывала горечь по поводу того, что я редко навещал маму при жизни из-за частых поездок, и даже не довелось посидеть у ее изголовья в последние часы, услышать прощальные слова напутствия и завещания – в дни ее кончины находился в Японии.

Но и тогда знал я, а теперь еще острее сознаю, что Мать, мама – начало всех начал, неиссякаемый источник нежности, добра, всепонимания и всепрощения. Мать – опора зем-

ле, ее жизнелюбием, милосердием и бескорыстием создается, крепнет и умножается род людской.

Горцы говорят: лишенный отца – полусирота, а лишенный матери – сирота полный. И еще в народе есть присловье: отцов могут заменить, но матерей не заменяют. Без матери потухает очаг, рушится дом. Нет лучше и пронзительней песен, чем песни матерей, и ненапрасно, наверное, утверждают набожные люди, что только молитвы матерей доходят до слуха и сердца Всевышнего. Самая обязательная клятва – клятва матерью, самое унижительное оскорбление – бранное слово о матери. Нет мамы, кроме мамы, она единственна, как земля, вода, небо, и потому свята. В поведении людей немало поганных проявлений, но самое омерзительное, аморальное из них – матерщина. В Дагестане раньше это никому не прощалось. За осквернение и оскорбление матерей наказывали кинжалом и пулей. Наоборот, платки матерей, брошенные под ноги разъярившимся врагам, отвращали кровопролитие.

Мерило человеческого достоинства – высокое и трепетное отношение к матерям. Отсутствие неблагодарности вообще гнусно, а благодарности к матерям – позорно. Я не поверю в порядочность людей, которые забыли глаза и лица матерей, и жильцам обставленных, пышущих достатком домов, где нет портретов матерей.

Бомарше сказал: каждый человек – чей-то ребенок. Человеком, личностью, гражданином дитя прежде всего воспитывают матери. Я не отрицаю важность других факторов, но

твердо стою на сознании первичности материнского воздействия. Колыбельные песни матерей сопровождают нас всю жизнь, конечно же, если сердца наши не оглохли для благородства и ответного великодушия. У повзрослевших детей – воспоминания, а у матерей надежды на то, что мы везде, всюду и всегда будем честны, разумны и справедливы. Для матерей нет более боли и горше досады, чем дурная молва о собственных детях. Сердце материнское хрупко, но чутко и многотерпеливо. Может, потому и считал Бальзак, что будущее нации в руках матерей – под предостерегающим взором их совести.

И думаю я, даже убежден в том, что детей расти не легче, чем управлять государством, ибо у государства – писанные законы. А лучшие человеческие качества и понятия о приличии прививаются нам не принудительно, а с молоком матери, как родная речь.

Уроки матери заменяют уроки ста учителей, заботы и причитания матери окажутся полезнее лекарств самых лучших врачей, когда недомогают дети. Больно от сознания того, что в толчее дней, суете жизни и служебной лихорадке мы не всегда находим время написать письма матерям, запаздываем, когда их сваливают болезни, нередко и дни рождения они просиживают в одиночку – без наших объятий, цветов, даже без телеграмм. Нам бы не только любить, но молиться за матерей следует, и не потому, что они молятся за нас, а по внутренней потребности.

Вспоминаю близкие сердцу подробности. Когда Валентина Терешкова вернулась из космоса, корреспондент спросил: «Кого хотела увидеть на Земле больше всех?» и она ответила: «маму». Однажды и сам я при встрече с ней обмолвился обычным вопросом: «Как дела?», и Валя сказала: «Мать болеет» и вздохнула. Видите, даже и у прославленной на всей планете женщины горести и радости связаны с мамой. И это ее возвышает в моих глазах не меньше, чем космический подвиг. Вообще самая рядовая мать достойна поклонения за то, что родила нас, поставила на ноги, вывела в люди.

И моя мать Хандулай была обычной и неграмотной женщиной. Родила четырех сыновей, двое из которых сложили головы на полях Великой Отечественной, вырастила дочь, была хорошей соседкой для соседей, надежной и отзывчивой родственницей для родных, понимала радость и умела оплакивать уходящих...

Я – человек, не склонный к упрекам, тем более – задним числом. Но к слову скажу; прочитав поэму «Берегите матерей» в те давние промчавшиеся годы, кое-кто из моих земляков, приятелей, которых мать кормила и поила как близких, шипел в кабинетах высоких инстанций или же скрытно строчил намеки-ухмылки: мол, чего там Расул так возносит свою мать? Кем она была – передовицей, стахановкой, Героем Труда? В этом-то и суть моей любви и покаяния, что мама моя была обычной женщиной, жившей в необычное время и в необычных поворотах судьбы сумевшей со-

хранить свое горское, женское достоинство и оставаться верной нелегкой материнской доле. Я горжусь именно тем, что моя мать, как и миллионы других, была неторопливой, малословной, некрикливой и неплаксивой труженицей, хранительницей домашнего очага и извечных горских традиций в семье. Может, потому после расставания с ней и стало сквозить у меня в доме и как бы сникла душа...

Именно простыми, ничем не приметными в буднях женщинами были и мать из Осетии, отправившая на фронт семерых сыновей, и кубанская крестьянка, не дождавшаяся девяти богатырей. Беспремерный образец материнской отзывчивости показала миру простая хлопкоробка из Узбекистана, приютившая, согрешшая десятки и сотни осиротевших в войну детей...

Сыновний долг для меня это – понятие не только узколичное и не только связанное с прошлым. Это беспокойные думы и о сегодняшнем и тревожный взгляд на будущее.

А разве преходяща уверенность в том, что Бог доверил матерям дать нам то, что ему самому не удалось. Мать – божья поручительница на земле? Она и ваятельница наша, и воительница. Поэтому матерям никогда не было легко.

В этой связи некоторые ассоциации, горькие воспоминания. Еще в молодые годы довелось не раз бывать за границей. Много чудес повидал я в иных краях, но сердце обливалось слезами, когда я встречал детей исхудавших, еле цепляющихся за подол матерей и молящих о хлебе. Матери этих

малышей были беспомощны и беззащитны перед лицом бедности и нищеты. А вот теперь, на восьмом десятке после ожидания «коммунистического рая», голодают наши дети. «Мама» зовут они своих матерей у порога, но не во всех домах хватает хлеба, «мама!» зовут младенцы, но не всем младенцам хватает молока, «мама!» зовут в больницах, но не все матери могут достать лекарства, чтобы спасти своих детей от гибели или пожизненного недуга.

У нас в Дагестане рождаемость, к счастью, не сокращается, но к горю, – растет детская смертность. Народив, матери не в состоянии обеспечить нормальные условия своим детям. Сколько детей – калек, сколько детей, с рождения пожизненно прикованных к постели, детей слепых, глухих и немых? И все беды от того, что родили их матери, которые жили в неносных бытовых и нравственных условиях!

Ведь у нас все еще сохраняется непосильный женский труд, растет преступность, миллионы влачат жизнь за чертой бедности. Страх за завтрашний день, страх за мужей, страх за близких... А ведь все это проходит через сердца будущей матери и сегодняшней мамы, которые выбиваются из сил, чтобы как-то и хоть бы чем-то накормить семью.

Как больно сознавать, что сотни тысяч матерей ютятся в домах-интернатах для престарелых, горько видеть седых матерей, плетущихся в столовые милосердия, лишенные скудной пищи дома...

Женщины в очередях, женщины на базарах, женщины, за-

жатые в автобусах, женщины у билетных касс на вокзалах? И разве легко им сохранить извечно материнское в тисках нынешнего ужесточившегося времени?..

Детям, повышающим голос, поднимающим руку на родителей, попрекающим куском хлеба, следовало бы вспомнить об этих лишениях и великой выдержке матерей!

Может, я выскажу и парадоксальную мысль, но думается: рядом с памятниками героям-защитникам Родины, великим ученым, большим поэтам, не пора ли изваять и памятник матери? Потому что нет ни героя, ни гения без матери, без ее теплых и не знающих усталости рук! Мы – ветви материнского древа!

О неоплатном долге перед матерями и неистребимой памяти о них я писал в циклах «Песни матерей», в поэме «Целую женские руки», с болью писал о матерях, лишенных земного счастья быть любимыми в «Острове женщин», во многих стихах размышлял об их черных шаялах, светлых песнях.

Писать о матерях буду, покуда «не оборвется жизни непрочная нить». И это не считаю личной заслугой, ибо это – долг человеческий, благодарное сыновнее чувство.

Теперь же хочу высказать конкретные предложения. Не пора ли нам учредить Всероссийский День матери. Кстати, точнее будет, если скажу: «вынужден напомнить», ибо об этом я и раньше писал, идея подхвачена была широкой общественностью, но не хватило официальной поддержки. Главное – и отрицать никто не отрицал, но в празднике Ма-

тери одни усмотрели религиозные побуждения, другие сослались на традиционный женский день.

Слов нет, 8 Марта – тоже неплохой праздник, тем более он международный, но день этот мне представляется несколько сухим, даже немного навязанным, календарно обязательным. А календарных праздников у нас и без того немало... К тому же, в наших праздниках много помпезности, пышности, от них веет заорганизованностью и явно не хватает теплоты, непосредственной радости, духовной раскованности. А вот праздник на Кубе, посвященный матерям, в свое время произвел на меня большое впечатление. В Японии бытуют праздники 20-летних, любование Луной. У нас в Дагестане ежегодно проводятся праздники первой борозды, праздник цветов, праздник черешни, праздник урожая. Во всем этом есть земное, человеческое, напоминающее материнское начало в природе и в нас самих.

Несколько лет подряд мы проводим в республиканском масштабе и праздник Матери. Эту инициативу тепло приняли люди, и праздник обретает массовый характер.

Словом, людей привлекают человеческие праздники. А День матери как раз содержит исконно объединяющее содержание и не вызовет ни религиозные, ни идеологические, ни национальные расхождения.

Могут поинтересоваться: почему, мол, Гамзатов умалчивает об отцах, об их роли. Нет, я бесконечно благодарен и отцам. Отцы – это крыши наших домов. Но отцы будут спо-

койны и благодарны, если мы отнесемся хорошо к матерям, поклонимся их могилам и обнимем живых, защитим от бед, напастей и неурядиц нашего неустроенного быта.

Я никогда не забуду завещание отца: «Я уйду туда, где буду всем обеспечен и от всего защищен, – говорил он. – Ты, Расул, теперь старший в доме, и потому не огорчай и не давай огорчать мать. Береги ее покой и не укорачивай остаток дней недостойным поступком и опрометчивым словом...».

Идут годы, и мне самому немало лет, но завещание отца неослабно звучит в ушах, оно стало синхронным с моим сердцебиением, вошло в кровь.

Думаю, это состояние понятно и доступно не только мне одному. Вот почему я не сомневаюсь в том, что, воздав Матерям, мы поднимем на заслуженную высоту и своих отцов.

Думаю, именно России – многоязычной, многоцветной, многострадальной и великой державе – к лицу и к сердцу такой гуманный праздник, каким бы мог стать День матери.

Расул Гамзатов, 1992 год

Р.С. День Матери учрежден в соответствии с указом Президента России от 30 января 1998 года и празднуется каждое последнее воскресенье ноября.

Стихотворения

«Читая вас, я удивляюсь снова...»

перевод Я. Козловского

Читая вас, я удивляюсь снова,
Как вы могли, глашатаи сердец,
О матерях не написать ни слова,
Махмуд, Эльдарилав и мой отец?

И говорит Махмуд из Кахабросо:
– Я не сводил с Марьям влюбленных глаз,
Ты своего не задал бы вопроса,
Когда бы увидал ее хоть раз.

Марьям я поклонялся безраздельно,
Ее певцом прослав между людьми,
И вспомнил мать лишь в миг, когда смертельно
Был выстрелом сражен и-за любви.

И вторить стал Эльдарилав Махмуду:
– Клянусь, и я не мог предугадать,
Что, Меседо увидев, позабуду
И целый свет, и собственную мать.

И лишь когда отравленную в Чохе
На свадьбе чашу осушил до дна,
Окликнул мать я на последнем вздохе,
И предо мной явилася она.

– А что же ты под небом Дагестана
Мать не воспел? – спросил я у отца.
– Не помнил я, осиротевший рано,
Ее заботы, песен и лица.

Завидных строк наследник полноправный,
О, как бы я, глашатаи сердец,
Воспел бы мать, имея дар ваш славный,
Махмуд, Эльдарилав и мой отец.

Пять пальцев

перевод Я. Козловского

(Отрывок из поэмы «Пять пальцев»)

Годы, встав на стремяна,
Мчат стремглав сквозь времена.
Сколько лет дано ни будет,
Жизнь дается нам одна.

Много звезд – одна луна,
Много верст – одна страна,
Та, что родиной зовется
И пожизненно одна.

Вновь тревога иль война
Иль из рога пьешь до дна,
Друг мой, помни, ради бога:
Женщин – много, мать – одна!

И отец в кругу вершин
Есть у каждого один.
Будь он грешен,
но отречься

От него не может сын.

И единственным от рода
Ликом мы наделены,
За двуликого природа
Не должна нести вины.

Представай в своем обличье,
Сохраняя в каждый миг
От змеиного в отличие
Нераздвоенный язык.

У тебя,
 к чему считать,
Три папахи или пять,
Голова одна, чтоб было,
Чем у плахи рисковать.

Уважай чужое мнение,
Но, достойный мудреца,
Сам высказывай сужденья
Лишь от первого лица.

В мире сто пороков есть,
Лжепророков в нем не счесть.
Хоть одна, как перст,
 но вызов
Им бросает наша честь!

Знаю, орды двойников
Есть у всех клеветников,
Но двух истин не бывает,
Облик истины таков.

Высь ясна или темна,
Бал ли правит сатана
Или ангелы пируют,
Жизнь одна и смерть одна!

«Когда моя жизнь, дорогая...»

перевод Я. Козловского

Когда моя жизнь, дорогая,
Придет к своему рубежу,
Три слова тебе, дорогая,
Я в час мой последний скажу.

Три слова... О, только бы силы
Хватило – их вымолвить мне!..
«За все, дорогая, спасибо», —
Сказал бы сперва в тишине.

Сумею ли слово второе,
Успею ли произнести?
Глаза я устало прикрою:
«За все, дорогая, прости».

И третье я вымолвлю слово,
Своей покоряясь судьбе:
«О, будь, дорогая, здорова,
Здоровья желаю тебе».

А если судьба милосердно
Сказать мне позволит еще,
Я те же три слова усердно

Опять повторяю горячо.

О, только хватило бы силы

Их явственно произнести!

«За все, дорогая, спасибо...

Здоровья тебе... И – прости...»

Две матери

перевод Ю. Нейман

Трех дочерей
Удрученная мать
На дочерей
Принялась гадать.

Младшая – девушка
Зрелых лет.
Муж есть у средней,
А счастья нет.

Третья – не мужняя,
Не жена:
С мужем нелюбящим
Разведена.

Трех сыновей
Изможденная мать
На сыновей
Принялась гадать.

Странствует где-то
Старший джигит.
Средний джигит

На войне убит.

Младший

Женою покинут давно.

Годы идут,

На душе – темно.

«Казалось мне: всю жизнь я плачу...»

перевод В. Коркина

Казалось мне: всю жизнь я плачу,
Осиротевший, по отцу.
Как жалки, как смешны удачи,
Когда и сам идешь к концу.

Не вспомнить, чем я так казнился,
Метался птицею в огне.
Сегодня ночью мне приснился
Отец. Он плакал обо мне...

Казалось мне: всю жизнь стенаю,
Зову, осиротевший, мать.
«Прости за все меня, родная!»
Когда б ребенком снова стать.

Дай мне, Аллах, такую милость —
Я верю, маму бы сберег.
Сегодня ночью мне приснилась
Мать: «Не печаль себя, сынок!».

«В горах джигиты ссорились, бывало...»

перевод Н. Гребнева

В горах джигиты ссорились, бывало,
Но женщина спешила к ним и вдруг
Платок мужчинам под ноги бросала,
И падало оружие из рук.

О женщины, пока в смертельной злости
Не подняли мечей материки,
Мужчинам под ноги скорее бросьте
Свои в слезах намокшие платки.

«Слеза, что по щеке твоей стекла...»

перевод Н. Гребнева

Слеза, что по щеке твоей стекла,
Речь обрета хотя бы на мгновенье,
Наверно б, строго упрекнуть могла
Меня в моем невольном появлении.

Твоей косы поблекшей седина
Не может и не хочет скрыть упрека,
Давая мне понять: моя вина,
Что пряди стали белыми до срока.

Родная, не тумань слезами взгляд,
Жизнь не одними бедами богата,
Тебя прошу я, оглянись назад,
Ведь было много светлого когда-то.

Во имя прошлого, всего, что свято,
Прости меня, хоть я и виноват.

«В далеких странствиях написанные мной...»

перевод Е. Николаевской

В далеких странствиях написанные мной
Стихи сжигаю я теперь без сожаленья.
И вот сквозь дым плывут в нечеткости ночной
Два женских облика, два лика, два виденья.

Одна из женщин ты, которой рядом нет,
В другой же – облик всех, кого встречали взоры.
Ты – столб опорный, ты – очаг: тепло и свет.
В других же воплощен мир, что лишен опоры.

Вертись, крутись, как мяч, мир – с холодом,
с жарой, Крути материки и облики в пространстве.
Снег – на одной горе, дождь – над другой горой:
Таков подлунный мир в своем непостоянстве...

О милая, когда пред взором в некий час
Вдруг облики встают, и лица, и блужданья,
Смеется всякий раз слеза, что пролилась,
А смех не отличить от горького рыданья...

Последнее свидание с мамой

перевод Ю. Мориц

Ее лицо изрыто морщинами глубокими —
По ним, по ним когда-то бурлила жизнь потоками.
А волосы на темени – травинками качаются,
Такой трава становится, когда пожар кончается.

Опущенные веки она поднять не в силах —
Старается, бедняжка, но тяжкий холод – в жилах.
Шепнуть мне что-то хочет, пока я жив и молод,
Но губ разнять не может – такой сжимает холод.

Твои худые руки в моих ладонях, мама,—
Как два листочка в глуби широкого кармана,
Как два листка опавших, прозрачных, легких, чистых,
Как в крапинках, в прожилках два листика пятнистых

Стою у изголовья. Вокруг прозрачной мамы
Висят сынов портреты – струится скорбь за рамы
Но мама их не видит... И вот глядят из тени
Очки, которых мама уж больше не наденет.

Если б моя мама песен мне не пела...

перевод Ю. Мориц

У меня бы не было языка родного,
Собственного имени, голоса, лица,
В странствиях далеких я давным-давно бы
Заблудился, словно в космосе овца...
Я б не знал, как сильно, нежно, страстно, смело
Ты, любовь, способна вспыхивать во мне, —
Если б моя мама песен мне не пела,
Колыбель качая, как лодку на волне.

Эти песни птичьи в океанах неба,
Над ущельем – струны скрипок дождевых,
Запах свежих листьев и родного хлеба,
Снятого с горящих угольков живых, —
Где бы взял я силы для такого дела:
Этим всем наполнить сердце, что во мне, —
Если б моя мама песен мне не пела,
Колыбель качая, как лодку на волне.

Разве стал бы этот мир таким родимым,
Жизнь такой бесценной, чтоб над ней дрожать,
Человек бы разве стал таким любимым,
Чтоб его хотелось к сердцу вдруг прижать,
Вечное с мгновенным разве бы сумело

Так нахлынуть, слиться, так бурлить во мне, —
Если б моя мама песен мне не пела,
Колыбель качая, как лодку на волне.

Песня, которую поет мать своему больному сыну

перевод Н. Гребнева

Наполняй весь дом табачным духом,
Пей бузу, вина захочешь – пей,
Можешь не жалеть меня, старуху,
Только выздоравливай скорей!

В край далекий уезжай, сыночек,
И оттуда писем не пиши,
В жены выбирай кого захочешь,
С городскими вдовами греши.

Я тебя баюкала когда-то,
Согревала на груди своей.
Пей вино, кури табак проклятый,
Только выздоравливай скорей.

Мать пестует детей и в зной и в стужу,—
Один – получше, а другой – похуже,
Но верит мать, что времена настанут —
Хорошими плохие дети станут.

Земля их кормит в щедрости извечной —

Плохих, хороших, злобных и сердечных,
Надеется, что времена настанут —
Хорошими плохие дети станут.

На это же надеются и звезды:
Исправиться, мол, никогда не поздно...
И солнце в небесах — источник света,
Да и луна надеется на это.

Дороги, реки, и леса, и горы
И верят, и надеются, что скоро
Совсем иные времена настанут —
Хорошими
Плохие люди станут.

И песнь моя царит мечтой свободной
В надежде, что получит хлеб — голодный,
Что грянет радость в синеве бездонной,
Что обретет пристанище — бездомный,

Что доктора больным вернут здоровье,
Но — все возможно при одном условии:
Что все безумцы вдруг преобразятся,
В людей благоразумных превратятся,

Что станут вдруг хорошими плохие —
И нас минуют времена лихие...
На это я надеюсь непреложно:
Поймите, жить иначе невозможно!

Должно так быть – Хоть по одной причине:
Чтоб не погибнуть Кораблю в пучине.

У очага

перевод Н. Гребнева

Дверцы печки растворены, угли раздуты,
И кирпич закопчен, и огонь тускловат,
Но гляжу я на пламя, и кажется, будто
Это вовсе не угли, а звезды горят.

Звезды детства горят, звезды неба родного,
Я сижу у огня, и мерещится мне,
Будто сказка отца вдруг слышалась снова,
Песня матери снова звенит в тишине.

Полночь. Гаснет огонь. Затворяю я дверцу —
Нет ни дыма, ни пламени, нет никого.
Что ж осталось? Тепло, подступившее к сердцу,
Песня матери, сказка отца моего.

Любимых женщин имена

перевод Я. Козловского

Встревожены земные шири,
Но знаю способ я один,
Как укротить в подлунном мире
Воинственность его мужчин.

Когда б мне власть была дана,
Вершинам всем,
 являя разум,
Я даровал бы в мире разом
Любимых женщин имена.

Чтоб опустились руки вдруг
Пред картою у бомбардира,
Пусть лучшей половины мира
Глаголют имена вокруг.

Когда б мне власть была дана,
Неся ответственность пред веком,
Я матерей бы имена
Присвоил пограничным рекам.

Еще дух рыцарства в чести,
И, может, власть его опеки

Переступить такие реки
Удержит воинов в пути.

В честь просветления очей,
Издав указ антивоенный,
Назвал бы звезды во
Вселенной я именами дочерей.

И сразу бы на небе мира
Не стало б в далях грозových
Ни одного ориентира
Для самолетов боевых.

И, обрета покой, планета
Жила бы, радости полна...
Звучат всегда в душе поэта
Любимых женщин имена.

Матери

перевод Я. Козловского

Мальчишка горский,
я несносным
Слыл неслухом в кругу семьи
И отвергал с упрямством взрослым
Все наставления твои.

Но годы шли,
и, к ним причастный,
Я не робел перед судьбой,
Зато теперь робею часто,
Как маленький, перед тобой.

Вот мы одни сегодня в доме,
Я боли в сердце не таю
И на твои клоню ладони
Седую голову свою.

Мне горько, мама, грустно, мама,
Я – пленник глупой суеты,
И моего так в жизни мало
Вниманья чувствовала ты.

Кружусь на шумной карусели,

Куда-то мчусь,
но вдруг опять
Сожмется сердце:
«Неужели Я начал маму забывать?»

А ты, с любовью, не с упреком,
Взглянув тревожно на меня,
Вздохнешь, как будто ненароком,
Слезинку тайно оброня.

Звезда, сверкнув на небосклоне,
Летит в конечный свой полет.
Тебе твой мальчик на ладони
Седую голову кладет.

«Изрек пророк...»

перевод Я. Козловского

Изрек пророк:

«Нет Бога, кроме Бога!»

Я говорю:

«Нет мамы, кроме мамы!...»

Никто меня не встретит у порога,
Где сходятся тропинки, словно шрамы.

Вхожу и вижу четки,

на которых

Она в разлуке, сидя одиноко,
Считала ночи, черные, как порох,
И белы дни, летящие с востока.

Кто разожжет теперь огонь в камине,

Чтобы зимой согрелся я с дороги?

Кто мне, любя, грехи отпустит ныне

И за меня помолится в тревоге?

Я в руки взял Коран, тисненый строго,

Пред ним склонились грозные имамы.

Он говорит:

«Нет Бога, кроме Бога!»

Я говорю:

«Нет мамы, кроме мамы!»

Стихи, написанные в новогоднюю ночь

перевод Н. Гребнева

Милая, прошу я вновь прощения,
Милости твоей опять я жду.
Отпусти, прости мне прегрешения,
Все, что совершил я в том году.

Ты прости за то, что не однажды я
Каялся и ты прощала мне.
Ты прости свою слезинку каждую,
Пролитую по моей вине.

Ты прости мне, что, когда в дороге я
С делом и без дела пропадал,
Ты считала дни и ночи многие,
Между тем как я их не считал.

Ты прости мне завязи бесплодные,
Все, что я не сделал в этот год.
Все мои дела неподотчетные,
Хоть за них придется дать отчет.

Слепоту прости, что помешала мне

Видеть то, что на тебя навлек,
Глухоту, из-за которой жалобы
Я не слышал, хоть услышать мог.

Ты за все, что пережито-прожито.
Как всегда, простишь меня любя,
Да и укорить меня не сможешь ты
Строже, чем корю я сам себя.

Я не поступался даже малостью,
Обижал я тех, кого любил.
Я прошу: прости меня, пожалуйста,
С легкостью, с которой я грешил.

Разве тот мужчина?

перевод Я. Козловского

Кто бездумно и беспечно
Хохотать способен вечно, —
Разве тот мужчина?

Кто не гнулся под мечами,
Кто всю жизнь не знал печали, —
Разве тот мужчина?

Кто в заздравном даже слове
Умудрялся хмурить брови, —
Разве тот мужчина?

Кто смертельно не влюблялся,
Ни с одной не целовался, —
Разве тот мужчина?

Кто любую звал «голубкой»
И за каждой бегал юбкой, —
Разве тот мужчина?

Кто готов подать нам стремя
И предать нас в то же время, —
Разве тот мужчина?

Кто, к столу шагнув с порога,
Осушить не в силах рога, —
Разве тот мужчина?

Кто в местах, где многолюдно,
Пьет из рога беспробудно, —
Разве тот мужчина?

Кто, хоть век в дороге будет,
Дом отцовский позабудет, —
Разве тот мужчина?

Кто, исполненный усердия,
Судит нас без милосердия, —
Разве тот мужчина?

Кто даст слово, что булатно,
Но возьмет его обратно, —
Разве тот мужчина?

Таинственность

перевод Я. Козловского

Смеемся или хмурим брови,
Для нас в любые времена
В раздумии, в поступке, в слове
Таинственность заключена.

Не все понятно для меня,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.